

ИЗУСТНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ РУКОПИСНОЙ КАЛЕВАЛЬСКОЙ РУНЫ О ГИБЕЛИ СВЯТОГО ХЕНРИКА*

Э. Г. РАХИМОВА,

*кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
отдела фольклора ФГБОУН «Институт мировой литературы (ИМЛИ)
им. А. М. Горького» РАН
(г. Москва, РФ)*

Под калевальскими рунами понимаются карело-финские (включая ижорские) песни, а также заговоры старинного склада, которые оформлены четырехударным аллитерационным стихом. Выбранные финскими учеными в середине XX в. термины: руны *калевальской метрики* “*kalevalamittaiset runot*”; *калевальский* “*kalevalainen*” [8, 108] – позволяют избежать громоздкой этнической атрибуции песнопений и не сводить вслед за «Калевалой» к эпосу их жанровое многообразие. Они изустно записывались в Финляндии в областях Саво и Северная Похъянмаа (Остроботния) начиная со второй половины XVIII в., за десятилетия до открытия будущим создателем эпопеи Э. Лённротом бытования рун по русскую сторону границы Финляндской автономии (до 1809 г. – провинции Швеции). Тексты опубликованы в составе фондового свода “*Suomen kansan vanhat runot*” («Древние руны финского народа») в 33 книгах (1908–1948+1997), который разделен редколлегией на 14 территориальных томов с 15-м дополнительным.

Калевальской метрикой оформлено повествование об убийстве чтимого в качестве святого раннесредневекового крестителя в католицизм предков финского народа. По содержанию «Гибель епископа Хенрика» (“*Piispa Henrikin surma*”) относится к жанру руны-легенды, кото-

рый соответствует русскому духовному стиху. В устном песенном бытовании запечатлеть эту руну собирателям не удалось, зато ее рукописи сохранились, составив не полностью совпадающие и взаимно дополняющие редакции. Э.-Н. Сетяля сгруппировал редакции при текстологически достоверном издании [10]. Варианты [14, № 985–1005] опубликованы в рамках фондового свода в томе VIII, посвященном окрестностям первой столицы Турку – Або. Отдельные варианты напечатаны в томе IX по области Хяме (Häme), название которой совпадает с племенем, обозначенным в новгородских летописях как «Емь». В окрестностях будущей первой столицы обитала «Сумь».

Обширные списки сводятся к двум редакциям: Пальмшэльда и Тёрнюдда. Рукопись протяженностью 104 строки из собрания умершего в 1719 г. историка Э. Пальмшэльда из университета Уппсалы [14, № 993 А] считается полностью переписанной с утраченного списка второй половины XVII в. [6, 14–15]. Близкий текст [14, № 993 В] был собственноручно скопирован будущим основоположником российского академического финно-угроведения А. М. Шёгреном во время учебы в Академии Або. Этот список был обнаружен членом редколлегии фондового свода и знаменитым полевым собирателем изустных рун А. Борениусом. Под номером [14, № 990 А] опубликован обширный, длиной 200 строк, вариант по рукописному сборнику (1726–1739 гг.) из библиоте-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 14-04-00334 «Кроссжанровые взаимодействия в изустных калевальских рунах (героико-мифологический эпос и заговоры)».

ки университета Хельсинки, ранее Академии Або, принадлежавшему некоему А. Хейккиля из г. Вааса. Почти совпадает с ним текстуально, но характеризуется более четким метрическим строем вариант [14, № 990 В], найденный в рукописном сборнике настоятеля Тёрнюдда, переданном в Финское литературное общество его родственницей. Список датировал А.-Р. Ниemi, глава редколлегии свода, занимавшийся старопечатными и рукописными книгами, уцелевшими при пожаре в академическом городе Або 1827 г. Он доказал, что этот вариант скопирован с коллекции филолога эпохи Просвещения Кр. Ганандера [9, 2–8].

Некоторые варианты «Гибели св. Хенрика» содержат типовую сцену, характерную для героико-мифологических рун калевальской метрики – принятие решения о поездке в полную опасностей землю.

Народная оценка насильственной христианизации уже не может быть устоявлена. Шведские крестоносцы огнем и мечом осуществляли крещение суми, а тем более оказывавшей сопротивление еми. В тексте руны идеологическая перспектива принадлежит завоевателям. Непостижимо, как смогла претвориться в сюжет, пронизанный чувством коллективной вины перед невинно убитым праведником, народная память о жестких «зачистках». Крестовые походы воспевались шведскими хрониками за доблесть отмщения «за кровь христианских мужей» жертвам насильственного завоевания [5, 51–56]. Протагонист-епископ принимает решение отправиться в «некрещенные» земли, объявляет о своей готовности принять мученическую смерть и отдает распоряжения о постройке церкви в свою память. Повествовательный мир руны напоминает древнеисландские саги. Остановившись на ночлег в доме язычника Лалли, Хенрик попросил угощения, не получив его, взял без спроса, но щедро расплатился с

хозяйкой. По возвращении мужа та оклеветала путников. Лалли, догнав, убил епископа, за что его и постигла кара Господня. Когда «муж дурной, смертоубивец» попытался снять «добрый шлем», похищенный им у убитого, со своей головы, его «волосы объяло пламя». Концовка руны о гибели св. Хенрика органична для жанра руны-легенды с его идеологемой загробного воздаяния и возмездия.

Текстовые воплощения эпизодов, или макропропозиций семантической структуры, если пользоваться терминологией дискурсного подхода [7, 101–105], дают ряд совпадений с изустными рунами. В композиции использован присущий калевальским героико-мифологическим рунам и балладам зачин. Во включающих зачин обширных вариантах обеих редакций начальные строки вариативны и обнаруживают ижорские параллели. Опорной константой служит имеющая четкий ритмический рисунок бесперебойная хореическая строка из четырех двухсложных слов, отвечающая типу $A_1 = 2+2+2+2$ по метрической классификации [11, 16–17]: “*kasvoi XX=2 kaksi lasta*” – «(вы)росло + двусложное слово + двое детей», неполный синтаксический параллелизм скрепляет с ней следующие строки с синонимичным глаголом. Редакция Пальмшёльда открывается так: “*Caswoi ennen caxi lasta / Toinen cawoi caalimaafsa / Toinen Ruotzis yleni*” – «**Росло прежде двое детей, / Один рос в стране (?) гаальской, / Другой в Швеции поднялся**» [14, № 993 А].

Инициальный эпизод рождения двух братьев в устойчивом текстуальном воплощении встречается в ижорской балладе о братоубийстве и мести пастуха. Впрочем, зачин может быть опущен, если повествование началось сразу с послужившего началом кровавой резне мелкого события: посеянный овес отравила могучая коза брата и ее загрыз черный пес земляпашца. Зачин нередко открывается не связанной с дальнейшими событиями, но символической сюжетной пропозицией: слабосильный и бестолковый

мужик посеял десять бороздок вокруг пня, который и раскололся надвое. Константная строка тоже может распадаться надвое: полустишие после цезуры переходит в строку, открывающуюся глаголом «родиться», а глагол «расти» получает синоним в параллельной строке. Текстологически достоверен вариант, записанный А. Борениусом в 1877 г. от певицы Вёглы из Савимьяки прихода Сойкино (причиной братоубийственной бойни послужила потрава посевов жеребцом одного из братьев). Пропозиция раскола в зачине реализуется так: “*Halkeis kando kaheksi, / Syntyi kaksi poikoi-lasta. / Yks kasvoi Kallervikossa, / 10 Toine Unnossa yleni*” – «Раскололся пень надвое, / Родилось два мальчика-ребенка. / Один вырос в Каллервикко, / Второй в Унто[ле] поднялся» [13, № 596].

В средневековой руне-легенде не наблюдается антагонизма между братьями: епископом Хенриком и феодалом Эриком. В редакции Тёрнюдда зачин отстоит от изустной традиции дальше, чем в редакции Пальмшёльда. Привнесение сословных характеристик сбивает аллитерацию при сохранении калевальского размера первых строк. В одной из следующих используется устная формула «в земле чужой». Наблюдавшаяся и в ижорской балладе, и в редакции Пальмшёльда пара синонимов “*kasvaa : yletä*” – «вырасти : подняться» – представлена и здесь, но без аллитерации. Двухчастная, состоящая из прилагательного-эпитета и заимствованного из шведского существительного номинация «славный конунг (король)» – “*kuuluisa kuningas*” – регулярно встречается в рунах. Применительно к событиям раннего, а не зрелого Средневековья перевод «конунг» предпочтительнее. Зачин производит впечатление идеологизированной нарочитости: “*Caxi olij Pyhä mieftä, / caxi Canfan ruhtinaft / Ja Rifti weljestä Jaloa / yxi cafwoi Ruotzjn maalla. / Tojnen maalla wierahalla. / ...Lapfi maalda wjerahalda / Se oli herra henderjki / wan joca Ruotzifa ylenj, / Se olli Erikj rijdari, / Ruotzin cuuluifa cunjngas*”. – «Двое было Святых

мужей, / двое Народа князей, / И крестовых братьев Благородных. / Один вырос в краю Швеции, / Другой в земле чужой. / Дитя из чужой земли, / Это был господин Хендерики, / а тот, который в Швеции поднялся, / Это был Эрикирыцарь, / Швеции славный конунг» [14, № 990 В].

Текстовые воплощения эпизодов, или макропропозиций семантической структуры, если пользоваться терминологией дискурсного подхода, дают ряд совпадений с изустными рунами.

Изустными калевальскими подробностями отмечен в некоторых вариантах легенды о св. Хенрике эпизод запрягания коня. Сбрую и упряжь в строках 40–41 вариантов редакции Тёрнюдда характеризуют распространенные и в беломорско-карельских свадебных величальных и героико-мифологических рунах адъективные эпитеты суффиксального способа образования: “*...ränget murfun luifet, waliahat majawan Luifet*” – «сбруя [сделанная] из моржовой кости, упряжь из кости бобра» [14, № 990 А].

Для разножанровых рун формульна пара скрепленных внутри одной строки аллитерацией определительных словосочетаний: “*...varsa valjahissa, suvikunta suitsi suussa*” – «...жеребенок в упряжи, сеголеток с удилами во рту». В редакции Пальмшёльда эта формула в строках 18–19 использована с внутриместным падежом вхождения иллативом, что по-русски соответствует предложно-падежному сочетанию с винительным падежом, для упряжи и удил, обозначения лошади становятся объектом: “*Pane varfat valjaihfiin / suvicunat suitzi fuhun!*” – «Ставь жеребят в упряжь, / Сеголеткам – удила в рот!» [14, № 993]. Аналогия, в том числе совпадение падежа, но с 3-м лицом, а не с повелительным наклоном глагола имеется в беломорско-карельской руне «Состязание в сватовстве» (“*Kilpakosinta*”), в варианте Тимоны Ремшунена из Чены прихода Вокна-

волок во второй строке из пары 80–81, описывающих отъезд кователя Илмаринена (в первой упомянут соломенный конь): “*Pani varsan valjahisen*” – «Запряг жеребенка в оглобли» [12, № 1, 449]. В героико-мифологической руне «Плавание на ладье и создание кантеле» данная формула употреблена в грамматико-синтаксической модели абсолютного номинатива. Обозначения лошади оказываются в принадлежностном падеже генитива и характеризуют сбрую, что дополнительно образует повтор, так как они же характеризуют цель поисков. Эта деталь создает портретную характеристику в описании действия – выхода со сбруей на плече – Вяйнямёйнена, которому предстоит услышать плач тоскующего по морским походам парусника, что образует зачин многих рун из Беломорской Карелии. Данную подробность предпочитают представить ли рунопевческого рода Перттунен из Ладвозера, например Рийко Юркинен: “*Läksi ettšohon hevosen, / Suvikunnan kuuntelu, / Suvikunnan šuitset vüöllä, / Varsan val’l’ahat olalla*”. – «Отправился на поиски коня, / Прислушиваться к сеголетку, / Удила сеголетка на поясе, / Жеребенка упряжь на плече» [12, № 1, 618]. Сцена запрягания коня в сани в руне-легенде сопровождается специфической для темы христианизации подробностью: “*Pane corjut cohdallenfa / Peräillenfä pienet kirjat!*” – «Поставь кошку на ее место, / Сзади – маленькие книги» [14, № 993 В].

Некоторые варианты «Гибели св. Хенрика» содержат типовую сцену, характерную для героико-мифологических рун калевальской метрики, – принятие решения о поездке в полную опасностей землю. Сентенция о «немногих вернувшихся» из опасного места представлена в руне «Посещение Туонелы» (“*Tuonelassa käynti*”). В варианте, записанном А. Бернером в 1872 г. от жительницы Минозера Марппы Еусеевны Хянини, жены Клиймо, Вяйнямёйнен отправляется в царство мертвых Туонелу в поисках слов для починки сломанных

«певческих саней». Сентенцию произносят «железнопалые девы Туони» в ответ на просьбу героя предоставить лодку для перевоза в строках 22–23: “*Äij on tänne tullehija, / Vai vähä palannehia*” – «Много есть сюда прибывших, / Только мало вернувшихся» [12, № 1, 352]. В варианте, записанном А. Генетцем в 1871 г. от Тимо Еусейнена из Аконлакши, посещение Туонелы вызвано нехваткой слов, нужных при строительстве лодки, которую Вяйнямёйнен вытесывает на скале, а формула в строках 60–61 звучит аналогично [12, № 1, 357]. В редакции Тёрнюдда сентенцию произносит «брат во Христе» обреченного на гибель епископа «славный конунг Швеции, рыцарь Эрик». Она вводится одной из распространенных ремарок с *verbi dicendi*: “*Sanoin lausui suin puheli / Paljon on sin emennehitä, / Eij paljon palannehita...*” – «Словами промолвил, устами проговорил: / – Много туда отправившихся, / Не много возвратившихся» [14, № 990 А]. Диалог протагониста с кем-то из близких, предваряющий поворотное сюжетное действие, весьма характерен для рун. Структурообразующий характер диалоги с матерью приобретают, в частности, в героико-мифологической руне о поездке Лемминкяйнена незванным на Пяйвельский пир. Рунам калевальской метрики присуща весомая доля диалогов в тексте на героико-мифологические, а не только балладные, сюжеты. Поэтому обсуждение опасности предстоящей поездки – убедительный признак изустности и в западно-финской руне.

Точное изустное соответствие обнаруживает одна из строк в редакции Тёрнюдда, а именно ответ протагониста-епископа, которому и предстоит погибнуть от руки язычника Лалли, на предостережение брата в строке 26: “*Toki lähen, en tottele*” – «Взаправду отправлюсь, не подчинюсь» [14, № 990 А]. В варианте [14, № 990 В] добавлено нарушающее просодию местоимение «Я»: “*Toki mjnä Lähden en tottele*”. Для финского глагола, имеющего лично-числовые показатели при спряжении, это не обязательно

выражено в 1-м лице. Такая формульная строка регулярно, хотя не повсеместно, представлена в беломорско-карельских вариантах героико-мифологической руны «Пяйвельский пир». Она завершает построенный как развернутый диалог эпизод прощания героя с матерью, когда он уезжает незванным, невзирая на ее запреты и предостережения. Данная реплика может быть вложена в уста героя, а может описывать его действия от 3-го лица. Реплика занимает одну строку, в варианте, записанном Топелиусом в 1821 г. от Юрки Кеттунена из Чены, – 296: “*Toki läksi ei totellu*” – «Взправду отправился, не подчинился» [12, № 2, 774]. Слова Лемминкяйнена от 1-го лица могут без учета фонетических различий совпадать с репликой протагониста руны-легенды. В западно-олонецком варианте, записанном Д. Европеусом в 1845 г. от неизвестного из Кимасозера, реплика встречается дважды в сочетании с горделивым опровержением опасности за ее незначительностью для отважного героя. Вслед за стереотипной в эпизоде просьбой принести военные доспехи она занимает строку 70, а в строке 112 служит ответом на третье из материнских предостережений: “*Lähipä nyt, en totelle*” – «Отправлюсь теперь, не подчинюсь» [12, № 2, 713].

Представленное в «Гибели св. Хенрика» в редакции Тёрнюдда художественное сравнение находит устные параллели в беломорско-карельских героико-мифологических рунах. Это сравнение стремительно (что передано звукоподражательным наречием) скользящих лыж с проворным пушным зверьком. Приготовив секиру для расправы, злоумышленник отправляется в погоню за епископом на лыжах. Подразумеваются лыжи старинной модели: более длинная левая («люлю») предназначена для скольжения, а правая – для отталкивания [4, 63]. По-фински и по-карельски «идти на лыжах» выражено одним глаголом: “*hiihtää / hiihtoa*”. Лалли бросается в погоню за епископом с целью расправы за оскорбление: “*Lykkäs fitten Lylynfä*

Lumellen / cujn olli wuoldu wuolefceldu / Syöxi calhut calia maallen / cujn ollj talwifin Jänoiffen / ¹⁰⁰ nijn fitten Lalli hihti hirmujefsti, / Lyly juoxi wjnhiäfti” – «Опустил тут люлю на снег, / словно ? стружку оструганную, / ткнулся правой калху в ? землю, / словно было зимнего зайчишку [бросил] / ¹⁰⁰ Лалли мчался на лыжах яростно / Люлю бежала со свистом» [14, 990 В].

Изустными калевальскими подробностями отмечен в некоторых вариантах легенды о св. Хенрике эпизод запрягания коня.

Представитель рунопевческого рода Сиркейнен-Ямала Варахвонтта в своем варианте 1835 г. использует сравнение с зайчонком дважды, с повтором идентичных строк. При первом употреблении, после описания долгого изготовления лыж красавчиком Кауппи Хийлитюйненем, рунопевец разносит два ОСС на два отдельных означаемых: лыжи и лыжную палку, что обеспечивается умелым владением приемом синтаксического параллелизма, а при повторном первое ОСС («лисицы») опущено: “*Lykkäsi [lylyn lumella] / Solahutti suopetäjän / Kuni ruskia[n] reposen, / Jo sytäsi uuen kalvon / Kuni valk[ian] jä[niksen] {...}. / Lykkäsi [lylyn lumella] / Solahutti [suopetäjän] / Jo sytäsi uuen kalvon / Kuni valkian jäniksen, / Jo on kerran kuopasihen / Silmän siintä[mättömään]*” – «Бросил люлю на снег, / Метнул болотную сосну, / Словно рыжую лисицу. / Уже воткнул новый меч (!) / Словно белого зайца. {...} Бросил люлю на снег, / Вскользь метнул болотную сосну, / Уже воткнул новый меч, / Словно белого зайчишку. / Уже за один раз хватанул / Так что глазу не видно» [12, № 2, 879]. В беломорско-карельских вариантах «Погони за лосем», по смыслу сопрягающихся с охотничьими заклинаниями, преобладает не сравнительная фигура, а использование ОСС «рыжей лисицы» как денежного эквивалента достоинств лыж в духе свадебных величаний.

Уподобление стремительного скольжения лыж пушным зверькам, строящееся за счет союза, представлено и в уникальной по целостности отражения героического мировоззрения руны. Крайне редкая в общекарельском репертуаре героическая руна об ушкуйнике Ахти на северо-западе сохранилась лишь в Ухтуа, будучи записана от Лари Теппинена А. Борениусом в 1872 г. и Э. Лённротом в 1834 г. от его отца. Сравнение представлено в обеих записях от рунопевцев этой династии. Появление данной подробности предварено сообщением о сильном снегопаде, в записи А. Борениуса: *“Sato lunta sauvan varren, / Varren keihäs keijahutti, / Yhtenä sykyissä yönä”* – «Снегу выпало на длину лыжной палки, / Со стержень копья напададо / За одну осеннюю ночь» [12, № 2, 907]. Сноровистые движения лыжника оказываются бесполезными (если судить по единичным вариантам сюжета, ему предстоит замерзнуть насмерть): люлю ломается и палка гнется. Двустипшие с парой ОСС и у отца, и у сына относятся к стремительно скользящей левой лыже «люлю», у Лари: *“Lykkäsi lylyn lumella, / Niin kuin ruskien reposen, / Eli valkien jänösen”* – «Бросил люлю на снег, / Словно рыжую лисицу / Или белого зайчонка» [12, № 2, 907]. Вербализация почти идентична, кроме зафиксированного А. Борениусом уменьшительного суффикса в стоящем в генитивном аккумулятиве слове “jänösen”; у Лённрота фигурирует финское, а не карельское слово “jäniksen”, что вызвано неточностью [12, № 2, 906].

Таким образом, нечастое, но типизированное в героико-мифологических рунах территориально далекой Беломорской Карелии художественное уподобление скольжения на лыжах пушным зверькам впервые предстало, пусть и в синкопированном, по выражению В. М. Гацака [1, 30], до одного ОСС «белого зайчишки», виде, в руно-легенде о гибели св. Хенрика. Оно характеризует убийцу Лалли, антагониста невинно убиенного, хотя в героико-мифологических рунах служило средством идеализации протагониста.

Невозможно достоверно судить об устном бытовании и, тем более, устном и народном происхождении «Гибели св. Хенрика» как произведения словесности. Интенсивное взаимодействие с фольклором характерно для младописьменной литературы Средневековья. Книжники могли воспринимать калевальскую метрику как естественный способ стихосложения на финском языке и неосознанно прибегали к фольклорной цитации тех формул, которые подходили для выражения той или иной «существенной идеи», если пользоваться классическим определением устно-формульной школы [2, 34]. Письменная легенда может считаться использованием фольклорной поэтики книжником – столь последовательно претворена в сюжет церковная идеология. Однако сопоставительный разбор текстуры доказывает текстуальные совпадения, не лишённые живой вариативности вербализации, с территориально далекими произведениями бесспорной изустности, включая песенный фольклор Ингрии, и с героико-мифологическими рунами Беломорской Карелии. Отсюда следует вывод о глубоко фольклорной, устно-поэтической природе руны о гибели св. Хенрика, даже если она не была сложена при устном песенном исполнении. Это продемонстрировало текстологическое сопоставление с привлечением текстуальных параллелей из произведений иных жанров (героико-мифологического эпоса и баллад), инорегиональных, т. е. бытовавших по русскую сторону границы. Встретившееся в восходящей к XVIII в. редакции Тёрнюдда уподобление пушному зверьку стремительного скольжения антагониста на лыжах, несмотря на наличие альтернативного решения (подобающей высокородному воину погони за епископом верхом на скакуне), доподлинно является самой древней из дошедших до нас и территориально – западно-финской реализацией этнопоэтической константы. Это сравнение представляется сугубо этноспецифическим для карело-финской культуры с таежными условиями быта.

Поступила 01.09.2015

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. Гацак, В. М. Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса / отв. ред. В. М. Гацак, А. А. Петросян. – Москва, 1971. – С. 7–45.
2. Лорд, А. Б. Сказитель / А. Б. Лорд ; пер. с англ. под ред. Б. Н. Путилова. – Москва, 1994. – 368 с.
3. Селиванов, Ф. М. Художественные сравнения русского песенного эпоса : систематический указатель / Ф. М. Селиванов. – Москва : Наука, 1990. – 222 с.
4. Тароева, Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР) : этнографический очерк / Р. Ф. Тароева. – Москва ; Ленинград : Наука, 1965. – 225 с.
5. Шаскольский, И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII веках / И. П. Шаскольский. – Ленинград : Наука, 1978. – 240 с.
6. Haavio, M. Piispa Henrik ja Lalli : Piispa Henrikin surmavirren historiaa / M. Haavio. – Porvoo : WSOY, 1948. – 248 s.
7. Harvilahti, L. Kertovan runon keinot : Inkeriläisen runoepiikan tuottamisesta / L. Harvilahti. – Helsinki : SKST 522, 1992. – 233 s.
8. Kuusi, M. Kalevalaisen muinaisepiikan viisi tyylikautta // Kalevalaseuran vuosikirja, 37. – Porvoo : Helsinki, 1957. – S. 108–128.
9. Niemi, A. R. Kaksi kansanrunokokoelma viime vuosisadalta ynnä “Suru-Runot suomalaiset” // Suomi, 1897. – III, 14. – 123 s.
10. Piispa Henrikin surmavirsi : viime vuosisadalla tehtyjä kirjaanpanoja. Julkaissut sekä esipuheella ja muistutuksilla varustanut E. N. Setälä. – [Helsinki] : [Länsisuomalainen osakunta], 1890. – 39 s.
11. Sadeniemi, M. Die Metrik des Kalevala-Verses // FFC. – № 139. – 154 s.
12. SKVR I. 1–2 / SKST 121. Vienan läänin runot. Julk. A. R. Niemi. – Helsinki, 1908. – 924 s. ; 1917. – 703 s.
13. SKVR III (1) / SKST 139.1. Länsi-Inkerin runot 1. Toisinnot 1–1250. Julk. Väinö Salminen. – Helsinki, 1915. – 670 s.
14. SKVR VIII / SKST 145. Varsinais-Suomen runot. Julk. Y. H. Toivonen. – Helsinki, 1932. – 851 s.
1. Gatsak, V. M. (1971), An epic singer and his text, Textological studies of epics, Moscow, p. 7–45.
2. Lord, A. B. (1994), The Singer of Tales, Moscow.
3. Selivanov, F. M. (1990), Artistic comparisons in Russian song epics: a systematic index, Moscow.
4. Taroeva, R. F. (1965), Material culture of the Karelians (Karelian ASSR): an ethnographic essay, Moscow – Leningrad: Nauka.
5. Shaskolskiy, I. P. (1978), Russia’s struggle against the Crusader invasion on the Baltic seashore, Leningrad.
6. Haavio, Martti (1948), Piispa Henrik ja Lalli : Piispa Henrikin surmavirren historiaa, Porvoo: WSOY.
7. Harvilahti, Lauri (1992), Kertovan runon keinot: Inkeriläisen runoepiikan tuottamisesta. Helsinki: SKST 522.
8. Kuusi, Matti (1957), Kalevalaisen muinaisepiikan viisi tyylikautta, Kalevalaseuran vuosikirja, 37, Porvoo – Helsinki: WSOY, p. 108–128.
9. Niemi, A. R. (1897), Kaksi kansanrunokokoelma viime vuosisadalta ynnä “Suru-Runot suomalaiset”, Suomi, III, 14.
10. Setälä, E. N. ed. (1890), Piispa Henrikin surmavirsi: viime vuosisadalla tehtyjä kirjaanpanoja, Helsinki: Länsi-Suomi, № 2.
11. Sadeniemi, Matti. Die Metrik des Kalevala-Verses. In German.
12. Niemi, A. R. ed. (1908, 1917), SKVR I. 1–2 / SKST 121. Vienan läänin runot. Julk. Helsinki.
13. Salminen, V. ed. (1915), SKVR III (1) / SKST 139. 1. Länsi-Inkerin runot 1. Toisinnot 1–1250, Helsinki.
14. Toivonen, Y. H. ed. (1932), SKVR VIII / SKST 145. Varsinais-Suomen runot, Helsinki.